

Глава 216: Просмотр монолитов ночью при свете фонаря (Часть II)

Теперь, когда появился этот мужчина средних лет, один из студентов Поместья Древа Ученых вернул свое высокомерие. Он представил мужчину окружающим зрителям: «Это мой боевой дядя из Поместья Древа Ученых, Цзи Цзинь. Более двадцати лет прошло с того времени, как он предложил свое Дао Мавзолею Книг».

Все молодые испытуемые были поражены этими словами, и по одному шагнули вперед, чтобы отдать свое уважение. Должно быть известно, что в прошлом Цзи Цзинь был одним из наиболее известных ученых юга, обладая исключительным талантом. Кто бы мог подумать, что он на самом деле станет Стражем Монолитов?

Этот боевой дядя из Поместья Древа Ученых по имени Цзи Цзинь не обращал внимания на уважение и поклоны этих молодых людей. Бросив на Чэнь Чан Шэна исключительно холодный взгляд, он направился к нему и Гоу Хань Ши.

«Брать форму, чтобы совершенствовать истинную эссенцию, брать идею, чтобы стимулировать духовный смысл, брать форму, чтобы имитировать атаки меча - мир лишь признает эти три метода, как подлинные. Все другие методы, независимо от того, насколько они странные, также служат основой для этих трех. Если ты действительно планируешь откинуть их все, то я хочу знать, какой метод есть у тебя? В прошлые годы были бесчисленные самонадеянные люди, слишком уверенные в своем интеллекте, всегда думая, что их предшественники были лишь посредственными, и что они могли бы легко превзойти их. Как могли эти люди понять, что с таким нереалистичным мышлением, они уже отправились на ограниченный путь?»

Он уставился на Чэнь Чан Шэна, его голос был жестким и бескомпромиссным: «Не думай, что только потому, что ты получил первое место на первом баннере в Великом Испытании, ты имеешь право смотреть свысока на всех других в этом святом и священном Мавзолее Книг. Кто осмелился бы быть таким высокомерным, как ты, желая достичь просветления так быстро, как это возможно. В противном случае ты бы определенно был бы с побоями и синяками здесь».

Все вокруг хижины монолиты сидели в тишине. Лишь холодный и гнетущий голос Цзи Цзиня продолжал звучать. В глазах старшей сестры из Пика Святой Девы, двух студентов Забирающей Звезды Академии, а также всех других присутствующих студентов, Господин Цзи Цзинь был Стражем Монолитов, который заслуживал большого уважения от всех даосистов. Его понимание Небесных Монолитов было далеко за рамками любого за пределами мавзолея. Хотя его слова были жесткими, они также были разумными. Хотя Чэнь Чан Шэна и Гоу Хань Ши можно считать начитанными, даже эрудированными в Даосских Канонах, они все еще были молоды. Особенно в области Небесных Монолитов, при столкновении с такой суровой, но независимой критикой, что еще они могли делать, кроме как смиренно получить этот совет?

Тем не менее, с течением времени атмосфера перед монолитной хижинкой становилась все более напряженной.

Потому что, в то время, как Чэнь Чан Шэн и Гоу Хань Ши не сказали ничего, они также не признали свои ошибки.

Здание Департамента Духовного Образования не было очень привлекательным. Оно было полностью поглощено десятками высоких красных елей вокруг него, но даже эти деревья не могли закрыть ночное небо. Именно поэтому десятки каменных ступеней были освещены звездным светом, как будто были покрыты слоем снега.

Его Высокопреосвященство, Архиепископ Мэй Ли Ши, стоял перед окном, глядя на белые

ступени, пока его рука крутила цветок зимней сливы за ним. Уже было начало весны, но по некоторым причинам этот цветок зимней сливы только расцвел.

«Разум Императрицы огромен и широк, способный держать целый мир, поэтому ей не нужно заботиться об Ортодоксальной Академии и не нужно заботиться о том, как далеко этот ребенок по имени Чэнь Чан Шэн может зайти... Конечно, самое главное, что Императрица слишком могущественна. Даже если этот ребенок встретит удачу, он по-прежнему будет не более, чем муравьем в глазах Императрицы. Если она хотела сокрушить его, она могла сделать это в любое время, но все еще было много людей, которые не были так сильны, как Императрица, поэтому, естественно, они не могли быть такими открытыми. Потому что они будут бояться, будут бояться тех вопросов прошлого, как например, полного изменения приговора в Ортодоксальной Академии».

Высохшее лицо Мэй Ли Ша излучало слабое чувство насмешек. «Независимо от того, будь это люди из клана Тянь Хай или те собаки, которых Императрица использует, чтобы загрызть людей до смерти, вместе с отношением Попа, страх в их сердцах растет все сильнее и они становятся все более настороженными к Ортодоксальной Академии и Чэнь Чан Шэну. Естественно, у них нет желания позволять ему продолжать сиять. Поскольку сами они не могут действовать, они пригласили южанина, которого знали в течение многих лет, но этого следовало ожидать. Просто я не думал, что такой человек, как Цзи Цзинь, соизволит действовать».

После разговора Жреца Синь с Чэнь Чан Шэном ранее в этот же день, он почувствовал, что ситуация была немного странной. После расследования, он быстро вернулся с отчетом. Стоя перед епископом, он был потрясен этими словами. На его лице было неистовой выражение, пока оно вздрогнуло. С очевидным недоверием на лице он спросил: «Кто посмел бы сделать такую безрассудную вещь в Мавзолее Книг?»

«При входе в Мавзолей Книг для просмотра монолитов и постижения Дао, наиболее важным активом является мышление. Тем людям не надо лично принимать меры против Чэнь Чан Шэна, им достаточно просто нарушить его образ мышления, влияя таким образом на его культивацию. Опыт первого входа в Мавзолей Книг для собственной культивации незаменим и необратим».

Глаза Мэй Ли Ша постепенно сузились, а его выражение похолодело: «Даже если мы не говорим о долгосрочной перспективе, если культивация Чэнь Чан Шэна будет затронута, если он не будет в состоянии получить достаточного роста в Мавзолее Книг, даже если он войдет в Сад Чжоу месяц спустя, он не сможет получить многое. На самом деле это будет крайне опасно».

Лишь теперь Жрец Синь понял, что, казалось бы, непримечательная враждебность и презрение в Мавзолее Книг на самом деле скрывали такую жестокость. Он вдохнул холодный воздух и несколько поспешно сказал: «Я сразу же отправлю кого-то сказать Мистеру Нянь Гуану следить за Цзи Цзинем и другими».

«Нянь Гуан, хм... Ему не обязательно нравится Чэнь Чан Шэн».

Мэй Ли Ша нахмурился, а потом сказал несколько грубо: «Если бы он не был настолько яростно принужден Ортодоксальной Академией в том году, как мог выдающийся студент из Академии Жрецов желать провести остаток своей жизни в Мавзолее Книг?»

Жрец Синь с волнением спросил: «Тогда что мы должны сделать?»

«Ты все еще можешь сказать Нянь Гуану, но думаю, что все таки хочу, чтобы Чэнь Чан Шэн превзошел эту проблему сам, на самом деле... Мне действительно очень любопытно. Этот ребенок остался на день в Павильоне Нисходящего Тумана, затем играл в туриста целый день, а в следующий день готовил еду. Когда он, наконец, прибудет перед Небесными Монолитами, что он увидит?»

Главная резиденция роскошного особняка была наполнена звуками музыки и смеха. Это не была главная резиденция клана Тянь Хай, а собственный дом Тянь Хай Шэн Сюэ, так что тут не было заметных старейшин.

Завтра Тянь Хай Шэн Сюэ вновь отправится на Перевал Снежных Владений. Все молодые дворяне, принцы и герцоги столицы, с которым он был в друзьях, пришли проводить его. Со свободно текущим вином было трудно избежать вопроса недавно завершившегося Великого Испытания, а также обсуждения молодых людей, которые недавно вошли в Мавзолей Книг. Ближе к началу, тема странного ухода Тянь Хай Шэн Сюэ из великого испытания была свежей в умах этих молодых дворян, но они аккуратно обходили эту тему, но после трех раундов выпивки, они постепенно стали слишком пьяными, чтобы сдерживаться, и их обсуждения постепенно начали высмеивать Чэнь Чан Шэна и даже Дворец Ли.

Тянь Хай Шэн Сюэ было нечего сказать, и он лишь улыбался, услышав их слова. В разгар праздника он повернулся к сыну премьер-министра Юй Вэньцзин и извинился, встал и направился к задней части поместья. В задней резиденции кое-кто ждал его. Это был человек даже моложе его, а его родословная была еще более выдающейся. Как правило, он никогда бы не пригласил этого человека на свои вечеринки, иногда даже избегая его, если возможно.

«Многие люди в моей семье готовы сойти с ума. Может быть, ты тоже думаешь, что я сошел с ума?»

Тянь Хай Шэн Сюэ посмотрел на Принца Чэнь Лю и нахмурился.

«Ты беспокоишься, что Чэнь Чан Шэн будет подавлен в Мавзолее Книг, но твои заботы излишни. Императрица не сказала ничего, а Поп сделал свою позицию очевидной. Кто посмеет тронуть его? Он ведь не оскорбил Чжоу Туна».

Статное лицо Принца Чэнь Лю было наполнено тревогой.

«Ты прав, есть люди в Мавзолее Книг, которые пытаются сорвать просмотр монолитов Чэнь Чан Шэна, а Чжоу Тун действительно ждет его снаружи мавзолея».